

СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

И РЕЖДЕ чем говорить об актере, я хочу сказать несколько слов о его городе, где, в преддверье белых ночей, на узком стекле канала лежит отражение куполов и фасадов, а вокруг струится зеркальное небо, ограниченное решеткой парапета. По ленинградским проспектам можно бродить, мечтая с открытыми глазами. Удивительный город, населенный удивительными людьми! Его красота проходит так высоко надо мной, как крыло птицы. Помоему, именно здесь у художников должны рождаться образы людей, которым суждено вечно искать без надежды на отдых. И один из таких художников — Николай Константинович Симонов, крупный, трагически красивый — словно годы ничего не могут изменить в нем!

Говорят, что Симонов никогда не играет два спектакля одинаково. Расходясь, зрители радуются, что сегодня им повезло. Но никто не уходит пустым; каждый раз, в той или иной мере, происходит приобщение к богатому внутреннему миру артиста.

С последнего приезда в Ленинград у меня оставалось впечатление о прекрасно прошедших двух первых актах драмы Гауптмана «Перед заходом солнца», а в финале Симонов показался мне бледнее, из чего я сделала слишком поспешный вывод, что слабость человеческую ему играть неинтересно. Но что-то тянуло меня снова на спектакль. И вот спустя несколько вечеров все акценты передвинулись: теперь, напротив, в начале пьесы он двигался, произносил слова, но все это еще пока без симоновской страсти, «под спудом». И все-таки с первых же минут мы попали в плен его голоса! Звонкого, высокого, богатого даже не интонациями — потому что их как раз немного, — а гипнотизирующим звучанием натянутой живой струны. В этом голосе скрыто таинственное обаяние. Он тревожит, подобно походной трубе. Человек должен быть лучшим, иным, чем мы все! Вот о чем говорит его голос.

Драма поздно прозревшего человека, Маттиаса Клаузена, Симоновым читается иначе: его герой был зряч всегда! Он постоянно и напряженно жил в мире своих внутренних исканий. И лишь по слепоте окружающих взрыв его открытого неприятия общест-

ва произошел в конце, а не в самом начале жизни.

Но как же был страшен этот взрыв! Иногда мне казалось, что Симонов уже ничего не играет; его крики и проклятия производили впечатление самоубийства, совершаемого на глазах у всех. Кажется, еще секунда, и он рухнет обессиленным.

И вот взволнованные, почти больные, мы разошлись на антракт. Мы уже не могли существо-

намбулически захваченный одной-единственной мыслью... Он был листом, сорванным с дерева, то летящим по ветру, то влачащимся по воде. И — ни одного повышения голоса, ни единого вскрика.

— Я жажду... я жажду заката, — повторял он шепотом, и добрая, почти нежная улыбка пророчно озаряла его черты.

Может быть, для контраста ему и нужна была эта замызганная

ядом, всыпанным в «чашу дружбы», — чудовищная в своей первооснове! — принимает совершенно иной, не злодейский, а философский и трагический смысл. О чем тоскует симоновский Сальери? Чего он взыскует с себя и Моцарта? Нет, не «гуляка праздный» для него Моцарт! Он — лучшая часть его собственного сердца. Обожаемое им существо, в отличие от мрачного Сальери, одаренное солнечной ясностью. («Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь. Я знаю, я»). Но нужен ли этот солнечный луч темной и жестокой жизни вокруг? Не прозвучит ли он лишь бесполезным диссонансом? Сальери — Симонов, как никто, ощущает ответственность за искусство в этом мире. Яростно и безжалостно к самому себе ищет он правды и гармонии искусства с окружающим! Он имеет на это право: вся его жизнь, аскетическая, самоотверженная, — та жизнь, которую мы безошибочно угадываем за плечами живого артиста, — дает ему в руки как бы и чашу весов.

Может или не может прекрасное изменить мир? «Что пользы, если Моцарт будет жив и новой высоты еще достигнет?» Вот в чем вопрос вопросов для симоновского Сальери! И только это становится важным для него и для нас в трагедии. Тем более что боренье духа идет не только через разум, а через живую, истекающую кровью душу.

Минутами кажется, что Сальери, любя Моцарта, оберегает его, боится приобщить к своим страданиям. Как более сильный, он берет всю тяжесть поисков на одного себя. Но ни в какой лирической сцене признания не может большей нежностью звучать его голос, чем когда он на небрежное и беззаботное замечание Моцарта, что «тебе не до меня», — неверными шагами, влекомый какой-то магнетической силой, идет через всю сцену и, протянув вперед руки, как драгоценность берет в свои ладони голову Моцарта: «Ах, Моцарт, Моцарт! Когда же мне не до тебя?»

И все-таки несдающийся Сальери сдается: он отказывается от борьбы прекрасного со злым. Он уступает дорогу злу. Это и есть его смерть. Именно его, а не отравленного Моцарта.

Для Симонова трагедия кончается на отчаянном возгласе: «Ты выпил... без меня?»

С той минуты, как со сцены ушел Моцарт, Сальери уже мертв. Несколько заключительных слов ничего не прибавляют: ведь по сюжету они принадлежат завистнику — Сальери. Но Симонов играл не сюжет, а пушкинскую философию: лишив мир Моцарта, Сальери предал искусство, так как усомнился в его силе, а следовательно, погубил и самого себя, потому что без служения искусству нет места на земле и ему самому, нет света, нет дыхания.

В потрясении, в глубокой задумчивости расходятся зрители: необозримая сложность жизни еще раз открылась перед ними.

НИКОЛАЙ СИМОНОВ, КОТОРОГО МЫ ЛЮБИМ

Лидия ОБУХОВА

вать вне магического круга чужой судьбы, очерченного актером. Малейшее движение на сцене получало теперь особое толкование, каждый жест становился весомым и значимым. Вот старый слуга (которого тоже не столько играет, сколько живет им, тонкий и проникновенный актер М. Екатерининский) выстрелил пробкой шампанского, Симонов же только пригубил бокал и обтер затем губы... Трудно передать словами благородство этого простого движения.

Что-то пронзающее есть в самом его внутреннем существе, в этом одиноком на сцене, преждевременно постаревшем человеке, в его провидческих глазах, не замечающих никого вблизи. В его гордой улыбке — широкой улыбке Петра! — внезапной, как гром пушек, победительной, властной, полной неосознанного страдания. Улыбке, в которой вся разнесчастная история времени: порыв, энергия, бешеность, крушение надежд... Последнего акта я ожидала с волнением: зная пьесу, я совершенно не знала, что будет впереди!

Занавес раздвинулся, но ожидание продолжалось. Акт начался, шел, пьеса сухо шевелилась, как старая бумага, как вдруг за бутафорским окном под дождем, под ветром промелькнула согбенная фигура Симонова — Клаузена. Он прошел не медленно, не быстро, а как человек, почти сом-

одежда, этот промокший плащ, чтоб яснее выявились величие его облика. Седые влажные волосы упали на лоб; рассеянным, медленным жестом он откинул их, отвел ладонью — и вдруг открылось лицо столь одухотворенно прекрасное, запечатленное в минуту, что забылось, отошло все остальное: он, мы, сама пьеса...

Что бы ни играл Симонов, это всегда зов недосыпаемого: то, чем должен быть человек по своему назначению, но еще не был никогда и, возможно, будет никогда. И его лицо, омытое внутренним светом; губы, чуждающиеся светлых слов; глаза, холодные и светящиеся; вся его монументальная фигура вызывают столь глубинное волнение, что уже не знаешь, чего хочется больше: смотреть на него бесконечно или поскорее уйти, заслонившись ладонью...

Мы все с детства знаем пушкинскую трагедию неуголимой зависти — «Моцарт и Сальери». Было только непонятно, как можно связать злодейский облик отравителя с Симоновым?! Вообще, разве не странно, что «Маленькие трагедии», так глубоко проникающие в каждого при чтении, часто как бы совершенно умирают на подмостках? И какие только театры не брались за этот заманчивый, но неблагоприятный труд! Я все-таки верю, что еще родится режиссер, который сумеет по-своему прочесть Пушкина сценически, и все, что хотел сказать поэт, воплотится перед нами вживе. Что касается такого актера, то он уже родился, и нам почасти случилось быть его современниками.

Как это ни звучит парадоксально, высшую меру благородства, яростной энергии, брошенной на служение истине, высоты томыслов Симонов и дал нам как раз в Сальери. Напряженные поиски его страдающей мысли становятся так первостепенно важными для всех нас, что вся история с

Н. Симонов в роли Сальери.